Текст · 24 апреля 2022, 07:15
Дмитрий Швец,

Допросы, досмотры, досмотры, допросы. Бегство из разбомбленного Мариуполя через Крым и Россию в Грузию

После начала войны Грузия стала страной назначения не только для россиян, бежавших от санкций и политических репрессий, но и для украинцев, которые спасались из-под бомбежек. «Медиазона» публикует рассказ жителя Мариуполя, который попал в Грузию через Крым и юг России, по пути преодолев заминированные дороги и множество проверок.

Мариуполь

Мы с женой жили и с сыном в квартире в центре, недалеко от Дома связи[1], потом решили делать ремонт и переехали к родителям на Флотскую[2] — это недалеко от выезда из города.

Начались военные действия. Сначала это были выстрелы где-то на окраинах. Потом бахание, бухание уже недалеко от нас, начал пропадать свет, интернет. Один день включили, на другой вообще отключили — ни света, ни интернета, ни воды.

Мы не понимали, что происходит в самом городе, поселок был удаленный от города, километрах в трех-четырех. Никакой связи не было, никакой информации. мы только слышали самолеты. Мы видели, [что] объекты типа центра «Порт *City*»

горели — мы начали понимать, что это война, город разрушается. Ситуация накалялась все больше и больше: недалеко от нас автоматные очереди, перестрелки ближе и ближе, снаряды, которые падали — дом постоянно вибрировал, шатался.

Мы так неделю сидели, стекла заклеили скотчем, чтобы они выдержали удар. Последней каплей стало, когда к соседу прилетел снаряд в гараж — пробило машину и ворота, а люди все целые. От нас это в 15-20 метров, это стало триггером: надо что-то делать, узнавать, ехать в город, проверять ситуацию.

Мы думали, в Мариуполе вообще жесть — город, может, стерт с лица земли. Это начало марта, мы с братом вдвоем решили поехать на машине, бензина мало было, горел чек, что надо заправиться. Мы не знали, сколько бензина надо, на 20-30 километров горючего было. Сели-поехали, выехали из поселка и смотрим: людей много, они ходят за водой, стоят в очередях — не все так плохо, как мы думали.

Город продолжал жить, понятно, в тяжелых реалиях, военная ситуация. Бензина нигде нет, заправки не работают, к единственной работающей километровая очередь, люди несколько машин понабирали.

Потом началось мародерство: разбивались магазины, люди выносили — не знаю, зачем это надо было — бытовую технику, вещи, по всему городу были мародерства. Полиция отлавливала их, наказывала, но при этом полицейские сами вскрывали для людей продовольственные магазины, гуманитарная катастрофа уже была в городе, продукты не завозились — неоткуда. Просто люди ходили без света

с фонариками и свечками и брали, что есть, это как-то продлило запасы.

Мы попали в такой магазин, взяли воды и продуктов, потому что запасы дома истощались, вернулись назад и рассказали ситуацию всем родным. Решили переместиться в центр, там квартира была родительская, она стояла возле храма. С точки зрения человечности подумали: возле храма [Святого князя Александра Невского] скорее всего атак не будет, это место священное и его трогать не будут. Окна выходили прямо на храм, это у Драмтеатра, там водонапорная башня возле него, и у нас в девятиэтажке была квартира на четвертом этаже. Числа 7-8 марта переместились туда и начали жить. В городе нет света, воды, интернета, связи, хотя возле храма связь была, люди пробовали дозваниваться, некоторые могли и смску отослать.

Постепенно военные приходили с окраин. Взрывы стали слышны намного сильнее, активные боевые действия казались все ближе и ближе. [Военные] занимали позиции в городе, в жилых районах, и туда прилетали снаряды. Начали разрушаться дома, люди прятались по бомбоубежищам, дыхание смерти чувствовалось все ближе и ближе.

Но ко всему привыкаешь. Мы жили такой жизнью: техническая вода была, за хорошей, питьевой, надо было спускаться вниз к ДОСААФу. Там зона была неспокойная, боевые действия, но все равно ведь вода нужна, и мы спускались. Делили оставшуюся еду, кушали по разу в день. Техническую воду иногда даже использовали для готовки пищи.

Газ был, но в один момент отключили и его. Это ночью случилось, сказали — была авария, трубу разбомбили. Намеренно или случайно — непонятно. Это был сильный удар: привыкли ко всему, но тут газ отключили. Люди не сдавались, на следующий день начали палить костры во дворах. Война войной, а дети и пожилые люди, всем надо питаться.

Атаки стали еще ближе, уже в центре. Приазовский государственный технический университет — прямым попаданием центральный корпус разбомбили, это было просто от нас буквально в километре. Взрыв очень сильный, мы пошли с братом в разведку собирать информацию, и там просто в хлам разбомбленное здание, напротив ресторан «Сыто-пьяно» — в клочья. Мы понимаем, что это уже здесь, в городе, помощи никакой ждать не следует. Говорили нам про «зеленые коридоры» в Запорожье, спрашиваем у военных — говорят, опасно ехать.

А помощь не приходит, новостей хороших нет, запасы истощаются, люди устают, все это выдерживать психологически непросто. На храм, где мы жили — там хороший вид был на Драмтеатр, люди ходят, обзорное место — падает снаряд. Атака была на сам храм. Я видел, как снаряд упал. Он был не разрывной, это как болванку скинули, у храма толстые стены, он не пострадал. Но мы поняли в этот момент, что у тех, кто атакуют — не знаю, кто это был — ничего святого нет, они нацелены на полное уничтожение города и нет такого места, где можно скрыться.

Мы приняли решение переместиться в родительскую квартиру. Она по улице Артема метрах в 800 от нас. В том доме есть бомбоубежище —надежное,

советское, старое — если будет туда прилетать, можно будет там скрыться, безопасность какую-то иметь. Мы переехали туда, там двухкомнатная квартира, мы там жили 14 или 12 человек.

Жизнь продолжалась: снаряды, стреляет артиллерия, потом добавились самолеты, это вообще жесть пошла. Этот звук, когда летит самолет — это самое страшное, что может быть, потому что когда он пролетает рядом, скидывается снаряд и там разрушения нереальные. Прожили там дней пять. Ситуация с каждым днем ухудшалась: бои идут в центре, все районы разрушены. Каждый день и час понимаем, что деваться некуда, «зеленых коридоров», которые обещали в Запорожье или куда-то, нет — мы в ловушке.

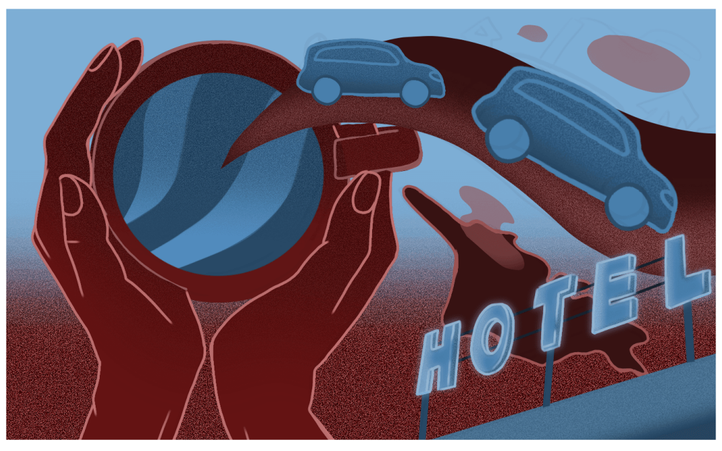

Иллюстрация: Лиза Ложка / Медиазона

На Драмтеатре собиралось очень много людей. Люди ждали коридоры, постоянно огромное количество машин, еда и гуманитарная помощь откуда-то появлялась, волонтеры помогали, чем могли, воду привозили. Там постоянно гуляла информация — понятно, непроверенная, сарафанное радио, и в последние дни стали говорить, что люди сами выезжают, есть какие-то тропы. Я получил много подтверждений, что есть тропа, по которой можно выехать. И было принято решение на свой страх и риск поехать, хотя были слухи и подтвержденная информация, что колонны в направлении Запорожья

обстреливались и атаковались, люди не возвращались домой, или были предупредительные выстрелы.

Побережье

Мы решили ехать не в сторону Украины, а поехать по побережью — говорили, есть путь через Портовское и Мелекино на Новую Ялту, это буквально 30 километров от Мариуполя. Точной дороги мы не знали, но в день, когда собирали вещи, приехал наш друг, и рассказал то же самое — есть коридор, поехали сейчас, нельзя ждать, тут каждый час на вес золота.

Машина друга, наша машина, родительская и еще ребята были, вот четыре машины колонной, поехали на Портовское. Через мины, брошенную сгоревшую технику, там тропа... Я не знаю, как люди о ней узнали или сами ее создали, но она очень стремная была. Тела лежали обгоревшие, жесть. Я старался не смотреть. Рядом были мины, мы их объезжали, со скоростью два-три километра в час ехали, они рядом с колесами были.

Ехали-ехали, и потом вдруг путь перекрыт — стоят каменные глыбы, которые даже не объедешь, поперек дороги. На наше счастье, проходили два местных жителя, они сказали: ребята, вот там дорога есть. И мы поехали через грязь, ямы и рвы, через поля добрались до Новой Ялты — там было спокойно, никаких войск. Около недели мы там жили, сняли номера, как в гостинице. Там были свет, газ и вода, мы спокойно вздохнули среди этого ужаса, ада, который был в Мариуполе. Важный момент — появился интернет, мы смогли продумать наше дальнейшее передвижение и вообще оценить ситуацию: что

происходит в стране, в Донбассе, в близлежащих районах, как военные действия могут дальше пойти.

Начали думать о коридоре, рассматривали Запорожье, Одессу, но все украинское направление было очень опасное. Была информация, что люди часто подвергаются атакам, а рисковать мы не могли: четыре семьи и дети. Был бы я сам — поехал, а так — не могу брать ответственность, не могу так ехать, просто на авось.

Дальше я от знакомых из других стран, от ребят из новостного агентства, стал получать информацию о коридорах. Мы посидели дня три-четыре и появился вариант: поехать в Грузию через крымский коридор, то есть село Чонгар, это пункт пропуска в Крым.

На следующий день выехать не получилось — пришли ДНР в сам поселок. Началась перепись населения: кто-где-что, осматривали дома. Тогда были слухи, что украинские войска пытались убегать или прятаться в каких-то местах, и они проверяли, нет ли здесь кого. Это было в середине марта, числа 15. Прошла проверка, сказали, Новая Ялта перекрыта из-за военных действий. Но мы хорошо общались с одним местным, он сказал — завтра пробуйте выехать, конвой не заступил. Он заступает в 7 утра, попробуйте уехать сами, без разрешения и пропуска, максимум — вас просто вернут, вы можете больше выиграть, потому что непонятно, что здесь будет.

Оттуда две дороги: через Мангуш — это колоссальная очередь, машин триста, и войска ДНР их не пропускают, люди стоят в надежде, что их выпустят. И была вторая дорога, на Урзуф, по ней мало кто

рискует ехать, потому что она и до войны была убитая настолько, что невозможно ехать. Там километров 30 участок, мы его чудом проехали, моя машина с низкой посадкой, а там ямы невероятные, пару раз машина чиркала дном — я думал, все, встанем, и дальше никакой техникой нас не вытащить.

До поселка Чонгар дорога была очень тяжелая, мы ехали туда порядка 12 часов. На каждый километр или пять был блокпост российский, который сопровождался полным досмотром машины, проверкой военных билетов, допросами, особенно мужчин допрашивали — что, куда, откуда, зачем? Блокпосты были один на другом, перед каждой развилкой — опять допрос, проверка. Были ситуации, что нас могли не отпустить. Там глухие поля, люди стоят на блокпостах с автоматами, чувствуют себя очень вольготно, могут себе позволить что угодно — никто не узнает, что здесь может произойти.

Каждый раз было очень напряженно. Они видят, кто боится, реагируют на страх — напряжение было, но страха не было, я был закален всеми этими событиями. За каждым словом в разговоре нужно следить. Я не знаю, как, но все эти блокпосты мы прошли. В Чонгаре нас встречает очередь из машин, наверное, двухсот, то есть люди из разных частей Украины решили ехать через Крым. Мы приехали туда часов в 10 вечера и уехали, наверное, часов в 12 дня — очередь порядка 14 часов.

Был досмотр, была специальная беседа один на один, спрашивали политические взгляды, проверяли телефон, фотогалерею, проверяли переписки все. То есть любой намек на то, что у тебя есть радикальная

позиция по отношению к обстановке могла быть для них сигналом, чтобы тебя забрать. Людей там, бывало, просто увозили и не возвращали, неизвестно, что с ними было дальше.

Иллюстрация: Лиза Ложка / Медиазона

Крым, Россия и Грузия

Мы прошли Чонгар, въехали в Крым. Там уже спокойно — люди не знают, что такое война, нет блокпостов. Проехали Керченский мост — это важно, были слухи, что он может быть закрыт, и мы остались бы в Крыму, а там непонятная ситуация с санкциями против России. Мы хотели как можно быстрее проехать Российскую Федерацию, чтобы попасть на свободную зону, в Грузию, где нет сейчас военных действий, все хорошо и спокойно.

Остановились в городе Темрюк[3]. После такой дороги был необходим перерыв: поспать, покушать, поговорить, семейный совет устроить и поддержать друг друга, попить кофе — простые радости жизни. Задержались на день, утром поехали дальше — Краснодар, Пятигорск и до Владикавказа проехали часов за 12, только на заправках останавливались. Ехали нормально: люди живут и не знают, что такое война, они вообще не знают, что происходит. Впрочем, когда мы говорили, что мы с Украины, встречались и доброжелательные русские,

которые понимают, что происходит, с состраданием относятся. Хотя наши знакомые до этого ехали, их в трех отелях не пустили, потому что они украинцы — были люди, пропитанные дезинформацией, которые считали украинцев врагами.

Перед въездом во Владикавказ был пост очень большой, досмотр конкретный — просвечивали машину, собаки проверяли на наркотики, был допрос личный, проверка на татуировки, проверка переписки и телефонов — все заняло 4-5 часов. Наши женщины сильно переживали, потому что они нас не видели, мы были в закрытом помещении на допросе.

Остановились на ночь во Владикавказе. Гостиницу хорошую сняли, директор-женщина отнеслась с пониманием, скидку сделала, накормила — душевный человек попался.

Мы решили ехать на границу в пункт пропуска Верхний Ларс на границе с Грузией, это в горах. Нас встретила самая большая очередь в моей жизни — на три-пять километров, я такую не мог представить. Русские машины, украинские: люди массово старались выехать из России. Делать нечего, мы встали в эту очередь.

Я смотрел, кто-то пытается обогнать, кто-то пытается продать место в очереди — но был патруль, который выгонял нарушителей, наказывали тех, кто пытался купить-продать. Мы стояли до конца — 26 часов. Спать было нельзя. Если засыпаешь, кто-то вклинивается. Ты двигаешься по 20-30 метров в час, а иногда не двигаешься несколько часов.

Мы дождались своей очереди. Русский пункт пропуска был жесткий: досмотр, личная беседа. Нас с братом завели в комнату допросов, мы сначала ждали часа три, пока дойдет очередь, потом нас вызвали, похожие [на те, что уже были в других местах] вопросы, но еще более детальные — чем занимаетесь, какая работа, что такое «наши», что такое «ваши», какое у вас отношение к этой ситуации? Такие вопросы, которые дают понять, что нельзя никаких радикальных высказываний. Часов по 4-5 допрос был у каждого, слава богу нас выпустили.

Грузинскую границу проехали без проблем, буквально за 15 минут — ни очередей, ничего. Поставили штамп в паспорте, и мы ехали по грузинской земле спокойно. Где-то останавливались, потом въехали в Тбилиси, и здесь уже, слава богу, спокойно можно вздохнуть и пожить.

Редактор: Дмитрий Трещанин

---

1. Находился на проспекте Мира, разбомблен.
2. Западная окраина Мариуполя.
3. Город на Таманском полуострове в Краснодарском крае.